

Итак, когда дело дошло до самостоятельного сочинительства, я естественным образом стал разрабатывать три направления: во-первых, небольшие стихотворения по образцу привычных мне гимнов; во-вторых, пародии, главным образом на шотландские и английские песни; и, в-третьих, эпические поэмы по мотивам сэра Вальтера Скотта. В общей сложности я накопал, наверное, больше ста тысяч строк. Практически все эти стихи были впоследствии уничтожены, о чем я несколько сожалею. Поэтической ценности они не представляли, но содержание их дало бы полезные свидетельства о ходе моих мыслей в тот период. Немногочисленные уцелевшие отрывки включены в мой сборник «Оракулы»¹. Помню, что по общей идейной направленности они превозносили победу бунтарства и юности над зрелостью и благонаравием. Для пушшего эффекта я постоянно прибегал к выразительным крайностям. Припоминаю две строчки из эпоса «Леди Этельреда»:

Барон Этельред на стену полез:
Он бесновался, как бешеный бес.

Но, став чуть постарше, я научился обращаться со своим материалом более осмотрительно. Мать, разумеется, прочила меня в продолжатели отцовского дела, то бишь в проповедники, но коль скоро обойтись совсем без профессии я не мог, она решила, что я должен стать врачом: ведь «у врача столько возможностей!» (в плане обращения душ к Иисусу, разумеется; сама она ничего забавного в этой реплике не усматривала). Соответственно, я начал понемногу изучать медицину и разразился следующим опусом:

Взгляд за кулисы

На больничной кровати одна
Постепенно гниет она!
День и ночь проклятий полна
Постепенно гниет она!
Из-под струпьев на коже почти не видна,
Не умыта, вонюча, грязна и страшна,
Громким криком и мертвым в могилах слышна,
Постепенно гниет она!²

¹ «Оракулы» — сборник стихотворений Кроули с подзаголовком «Биография искусства», впервые опубликованный в 1905 году.

² Рус. пер. Н. Макаровой.

Заметим, что название этого стихотворения иронично. Оно заимствовано из одной популярной в то время благонаправленной книжицы, в которой описывалась жизнь бродячих актеров с намеком на то, что единственная надежда для них — обращение к Иисусу. Ироничны и сами стихи: они откровенно критикуют поверхностную философию оптимизма, столь характерную для «воспитанного христианина» тех времен. Я же анализировал жизнь в духе Шопенгауэра. Я не видел никакого резона делать вид, что жизнь не исполнена ужасов. Смерть и нижнее белье — это факты жизни, и суть их не изменится от того, что мы будем обходить их молчанием или изобретать для них эвфемизмы. Я опустил до смакования убийств и тлена лишь потому, что эти явления более всех контрастировали с господствовавшими в то время установками. Язычество — здравая религия, ибо она смотрит фактам жизни в лицо; но мне здоровый взгляд на природу был заказан. В моем положении невозможно было с улыбкой отмахиваться от христианских бредней; я вынужден был, как уже говорилось, тушить огонь огнем и сдирать с себя ядовитые припарки отравленными кинжалами.

Таково было влияние домашней жизни. Но оно частично смягчалось более приличным влиянием школы. О своей стритемской школе я уже упоминал. Именно там случилось последнее важное происшествие этого периода. 5 ноября 1891 года³ я решил отличиться как лучший в школе знаток химии. Я купил в бакалее стеклянную банку на десять фунтов, засыпал на дно два фунта пороху⁴, а поверх выложил слоями разноцветные «огни». По составу все они были одинаковы (не считая небольших примесей различных солей металлов): сахар и хлорат калия. Чтобы уж наверняка не оплошать, я приставил к делу всех домочадцев, и они перемешали ингредиенты так основательно, что получилась настоящая хлоратная взрывчатка. Я тщательно утрамбовал смесь в банку, зарыл ее по горлышко на школьной площадке, сверху воткнул ракету и в положенный момент поджег. Но ракета оказалась укреплена слишком плотно и не взлетела, а бумажный пыж сгорел слишком быстро, так что я не успел отойти. Я ничего не увидел и не услышал — только почувствовал, как по лицу мазнуло чем-то теплым и липко-зернистым. Затем я обнаружил, что стою на краю преизрядной ямы, и гадаю, что же я сделал не так и почему мой эксперимент провалился. Помню, как я извинился перед присутствующими за неудачу и сказал, что мне надо пойти умыться. Затем я с некоторым удивлением осознал, что меня поддерживают с двух сторон мать и домашний учитель. В следующий раз я очнулся уже в кабинете директора школы, где мне оказывали первую помощь. О дальнейшем я уже ничего не помню, кроме досады на то, что меня разбудили, чтобы переодеть. Я проспал девяносто шесть часов, лишь изредка

³ 5 ноября — национальный английский праздник, Ночь Гая Фокса, известный также как Ночь костров или Ночь фейерверков. В честь годовщины провала «Порохового заговора» (попытки взорвать Парламент Великобритании в Лондоне в ночь на 5 ноября 1605 года) по всей стране зажигают фейерверки и костры, на которых сжигают чучело Гая Фокса — самого знаменитого участника заговора.

⁴ «...банку на десять фунтов...»: т.е., объемом около 4,5 л; «...два фунта пороху...»: т.е., около 900 г.

приходя в сознание, и то не полностью. Моему домашнему учителю хватило ума отправить телеграмму доктору Голдингу Бёрду в Гайз-хоспитал⁵, и только его вмешательство, вероятно, спасло меня от рожистого воспаления и слепоты. В последующие дни из-под кожи на лице у меня извлекли больше четырех тысяч осколков гравия и тому подобной всячины, а впервые открыть глаза на несколько минут мне разрешили только на Рождество. Взрыв получился грандиозный. По всей округе в домах вылетели стекла, а в лавке химика на железнодорожном мосту — в четверти мили⁶, а то и дальше, от места взрыва, — задребезжали склянки на полках, чего не случалось даже при проходящих поездах. Как ни странно, никто, кроме меня, не пострадал. Впрочем, и я не жаловался: я стал героем дня, я оставил свой след в истории! На следующий год я созрел для средней школы. Мой дядя Джонатан хотел, чтобы меня отправили в Винчестер для поддержания семейной традиции, но для поддержания здоровья мне требовался более бодрящий климат, и было решено, что я поеду в Малверн. Звезда Малверн-скул в то время разгоралась на спортивном небосклоне все ярче. У нас был блестящий отбивающий — Перси Лэтем; были Г.Р. и У.Л. Фостеры, твердо намеревавшиеся отличиться не мытьем, так катаньем, а на пятки им уже наступали младшие отпрыски этой знаменитой спортивной семьи. Кроме того, был еще один многообещающий новичок — К.Дж. Бёрнап⁷.

Однако в иных отношениях школа оставляла желать лучшего.

Издевательства над младшими процветали безнаказанно, и старосты не только не следили за порядком, а были худшими из зачинщиков. Мне как мальчику застенчивому и необщительному, слабому здоровьем и не способному играть в футбол, естественно, доставалось больше прочих, что, в конце концов, толкнуло меня на один из немногих за всю мою жизнь поступков, которые способны внушить мне чувство вины. Грубость и глупость царили в этой школе безраздельно. Правда, руководство приложило немало усилий, чтобы искоренить практику «смазки», заключающуюся в том, чтобы как можно более смачно плюнуть человеку в лицо или на спину. Но у нас, на факультете Хантингдона (№4), это развлечение оставалось в ходу, что и составляло единственную нашу заявку на превосходство над другими домами. Насколько я помню, никто из наших так и не вошел ни в одну из двух футбольных команд. Старосты были тупыми скотами, не желавшими ни учиться, ни заниматься спортом; их не интересовало ничего, кроме похабщины и утверждения своей мелочной власти. Особенно их раздражало то, что я вел себя безупречно. Выпороть меня без разрешения декана они не

⁵ Бёрд, Голдинг (1814—1854) — известный английский врач и специалист по применению химии в медицине, член Королевского медицинского общества; читал лекции в лондонской больнице *Гайз-хоспитал*.

⁶ *Четверть мили* — около 400 м.

⁷ *Отбивающий* — игрок в крикете, задача которого состоит в том, чтобы защитить ворота и отбить мяч по возможности дальше в поле. Лэтем, Перси Холланд (1873—1922) — известный английский крикетист, правый отбивающий в командах Кембриджского университета и Сассекса. Фостеры — двое из семерых братьев Фостеров, обучавшихся в конце XIX века в Малверн-скул и впоследствии ставших известными крикетистами; впоследствии играли за команду Вустершира; трое из них в разное время возглавляли Вустерширский крикетный клуб, получивший в связи с этим шуточное прозвище «Фостершир». Бёрнап, Катберт Джеймс (1875—1960) — знаменитый крикетист, игравший за команду Кента.

могли. Но я не осознавал, как бдительно за мной следят, и в конце концов попался на каком-то пустяковом нарушении дисциплины в часы, отведенные для подготовки уроков. Староста, наблюдавший в тот день за порядком, едва дождался перемены и, сгорая от злорадства, поспешил к декану. Но я был уже там. Конечно, я не избежал взбучки, но в утешение мне кое-кто вылетел из школы со свистом. С формальной точки зрения мой поступок, разумеется, не имел оправданий; но примем во внимание, что я несколько месяцев безропотно держал язык за зубами и прибегнул к тяжелой артиллерии лишь тогда, когда к ней же обратились мои обидчики.

Здесь уместно будет подчеркнуть, что я до сих пор оставался на удивление невинным. Мой сосед по классу был самой популярной на факультете «шлюшкой» и немало на том наживался, но, хотя факты эти мне были известны, я понятия не имел, что именно за ними стоит.

Вот одна история, хорошо иллюстрирующая это обстоятельство. Наш классный наставник обычно скидывал двадцать процентов «строчек» тому, кто сдавал работу раньше срока. Но однажды меня усадил за «строчки» какой-то другой учитель, и я сдал ему восемьдесят процентов с припиской: «Минус двадцать процентов за то, что кончил раньше». Он решил было, что я над ним издеваюсь; но после допроса с пристрастием я был оправдан. Я и вправду не подозревал, что сморозил какую-то двусмысленность.

Учеба в Малверне почти не оставила на мне отпечатка. По большей части я был погружен в свои мысли и старался соприкоснуться со школьной жизнью как можно меньше. Друзей я не заводил. Повсеместно царящая грубость не вызывала у меня ни малейшей симпатии, и потакать ей, чтобы выбиться в любимчики у старших, я не желал. В целом мою установку иллюстрирует следующий эпизод.

Кто-то из старост стал подначивать меня и предложил доказать, что я не трус, — сразиться со Смитом-третьим, который был гораздо младше и слабее меня. Я отказался, рассудив так: если я не стану драться, то, конечно, прослышу трусом, но если стану — меня обвинят в издевательствах над младшими и еще, чего доброго, донесут директору, что я затеваю драки. Никаких планов на будущее в связи с этой школой я не строил. Я предпочитал мечтать о том, как буду лазать по скалам на каникулах, и продолжал писать стихи. В памяти сохранились два отрывка. Вот первый:

«Не верь князьям!» — о Гордон-Камминг⁸, сей урок

Пускай тебе послужит впрок.

Кажется невероятным, чтобы мальчик в таком возрасте интересовался подобными делами и занимал при этом столь революционную позицию. Но я

⁸ *Гордон-Камминг*, Уильям Александр Гордон, 4-й баронет (1848—1930) — шотландский помещик, военный и авантюрист, с именем которого связан нашумевший «Королевский карточный скандал» (1890, получивший такое название из-за участия в нем нескольких аристократов из высшего света и, в том числе, будущего короля Англии Эдуарда VII). Гордон-Камминг был обвинен в шулерстве при игре в баккара и, не сумев оправдаться, вынужден был покинуть свет и удалиться в свое поместье.

давно и прочно ненавидел ганноверских узурпаторов⁹ и ни секунды не сомневался (как не сомневаюсь и до сих пор), что смошенничал в той игре отнюдь не Гордон-Камминг.

Из второго стихотворения уцелели следующие строки:

О бедная вдова! Присяжных злоба
Вас обрекла на муки без вины!
Как гвоздь неумолимый в крышку гроба,
Ваш приговор — позор для всей страны.

Позор судье, что факты презирает!
Сиделке вероломной — срам и стыд!
Но вся страна с сочувствием взирает
На вас, мадам, и лишь о вас скорбит.

Вся Англия — за вас! Поверьте нам
И не теряйте мужества, мадам!

Мое сочувствие к миссис Мэйбрик¹⁰ никоим образом не означало, что я действительно верил в ее невиновность. Она совершила прелюбодеяние — и для меня этого было более чем достаточно. Само это слово, «прелюбодеяние», волновало меня до мозга костей. Прелюбодеяние было венцом греховности и искупало в моих глазах любую вину. Близких друзей у меня не было. К учебе я прилагал ровно столько усилий, чтобы не навлечь на себя серьезного наказания, но в первые ученики не стремился. Шекспировская премия, в соревновании за которую должны были участвовать все, меня не интересовала, и из двух заданных пьес — «Ромео и Джульетты» и «Ричарда III» — я не прочел ни строчки. Но за три дня до экзамена я чего-то испугался, отпросился с тренировок и так налег на учебу, что в результате занял шестое место по школе. Я заучил несколько длинных

⁹ «...ганноверских узурпаторов» — т.е., королевскую династию Ганноверов, правившую Великобританией с 1714 по 1901 гг. Ганноверы пришли к власти в Англии благодаря парламентскому акту о престолонаследии 1701 года, лишившему католическую мужскую линию Стюартов прав на престол в пользу протестантки Софии Ганноверской и ее потомков.

¹⁰ Мэйбрик, Флоренс (1862—1941) — американка, в 1899 году осужденная британским судом за предполагаемое убийство мужа, Джеймса Мэйбрика, который был значительно старше своей супруги. Основаниями для обвинительного приговора послужили найденные в теле покойного после вскрытия следы мышьяка (который он в действительности употреблял в малых дозах как лекарство от малярии) и показания сиделки, свидетельствовавшей против миссис Мэйбрик. Негативное впечатление на присяжных и публику произвели вскрывшиеся на суде факты о супружеской неверности Флоренс: многие решили, что она отравила мужа, чтобы избежать развода, который погубил бы ее репутацию. Однако смертную казнь для нее заменили тюремным заключением. Так и не признав своей вины, Флоренс провела за решеткой четырнадцать лет.

отрывков и мог цитировать их по памяти. Вообще у меня в любом деле всегда все сводилось к вопросу о том, интересно оно мне или нет. У меня есть задатки серьезного ученого-классика, но я никогда не мог заставить себя учить наизусть греческие и латинские стихи. Что еще более странно, я так и не овладел правилами просодии¹¹. Даже самые нелюбезные критики признают за мной непревзойденную технику стиха и чувство ритма; а между тем правила метрики для меня — пустой звук, потому что никто еще не объяснил, как они влияют на звучание стихов при декламации.

В целом, школьная жизнь пришлась бы мне по вкусу, если бы не унижения со стороны старших и не отсутствие какого бы то ни было интеллектуального общения. Игры меня не интересовали; мои амбиции в области спорта ограничивались скалолазанием. Правда, в Малверне не было христианства! И местные нравы были, как ни плохи, но хотя бы, по крайней мере, мужественны. Но я уже достаточно подрос, чтобы с успехом противостоять домашним учителям, и с ними чувствовал себя свободнее, чем в школе. Я решил распрощаться с Малверном и, оказавшись дома на каникулах, живописал такую картину творящихся там мерзостей (о которых на самом деле не знал ничего и даже не был уверен, что они и в самом деле творились), что мать решительно запретила мне туда возвращаться. Как она впоследствии мне напомнила, я сказал: «Если бы мистер Хантингдон (декан) только знал, что происходит на факультете, у него бы случился разрыв сердца». Чистый блеф! Но он сработал: на следующий семестр меня отправили в Тонбридж¹².

К тому времени я уже неплохо изучил свои сильные стороны и умел извлекать из них преимущество. В некоторых отношениях жизненного опыта у меня было больше, чем у многих моих сверстников. На каникулах я наслаждался всевозможными приключениями — рыбной ловлей, скалолазанием, ухаживанием за девицами и так далее, — в которых мог полагаться только на собственные силы. К тому времени, как я приехал в Тонбридж, во мне развился своего рода естественный аристократизм. Меня уже стали побаиваться; ни о каких издевательствах уже не было речи.

Должно быть, я стал гораздо крепче здоровьем. Альбуминурия вызывает меланхолию и подтачивает физическое мужество. Вдобавок я, несомненно, испытывал постоянное раздражение из-за фимоза, так что операция принесла большое облегчение. Итак, я был более или менее готов дать сдачи любому, кто станет мне досаждать. И окружающие старались этого не делать.

Кроме того, атмосфера в Тонбридже была гораздо более цивилизованной, чем в Малверне. Это только сейчас она стала слащавой. Тогда же не было и следа той «брачной системы», которая появилась позже и, как говорят, ныне цветет пышным цветом. «Миссис такая-то» было в те времена презрительной кличкой, тогда как сегодня ученик запросто может сам назвать себя так, чтобы показать, что он — «свой», а не «один из тех». Моим лучшим другом

¹¹ *Просодия* — здесь: наука об интонации, тоне и расстановке ударений в стихотворной речи.

¹² *Тонбридж* — старинный город в графстве Кент, где находилась одна из лучших в Англии частных закрытых школ, основанная еще в 1553 году.

там был брат Ч.Ф.Г. Мастермана¹³. Он не был ни ябедой, ни лицемером; и сам этот факт дает представление об общей атмосфере в школе. Нормальная человеческая жизнь, вкус которой я познал благодаря Арчибальду Дугласу, полностью выправила мне мозги в том, что касалось сознательного подхода к жизни. Основная задача теперь заключалась не в том, чтобы «сатанинствовать», как назвал бы это Гюисманс¹⁴, но попросту в том, чтобы спастись от угнетателей и наслаждаться жизнью без какого бы то ни было вмешательства со стороны так называемой духовной жизни. Самое глубокое счастье я испытывал в полном одиночестве в горах; но нет оснований предполагать, что удовольствие это проистекало из каких-либо мистических переживаний. Единственными слагаемыми моего восторга были красота формы и цвета, приятное возбуждение от физической нагрузки и умственное воодушевление от поисков наилучшего пути к вершине. Если я и грезил о чем бы то ни было, то лишь о сексе самого обычного рода. Я не чувствовал потребности в фантазиях о каком-либо извращенном или недоступном удовольствии. Подчеркну это обстоятельство особо, потому что моим современникам всегда казалось, будто я — какое-то из ряда вон выходящее существо, одержимое фантастическими страстями. Но от природы я совершенно к таковым не склонен. Как только я сбрасывал с плеч давление извне, с ним исчезали и все признаки отклонения от нормы. В такие периоды меня почти не тянуло писать стихи. У меня не было даже обычных для всякого молодого человека амбиций. Мне достаточно было просто заниматься спортом, вовсе не желая достичь каких-то выдающихся побед. Мне естественным образом нравилось находить пути в горах, которые казались мне интересными и сложными. Но мне никогда и в голову не приходило соревноваться с другими людьми. Покорить Трифан и Тулл-Ду¹⁵ меня побудили чисто эстетические соображения. Но в связи с этим последним восхождением сложилась ситуация, весьма примечательным образом предопределившая мою дальнейшую жизнь.

© Перевод: Анна Блейз
www.oto.ru

¹³ *Мастерман*, Чарльз Фредерик Гарни (1873—1927) — британский журналист и политик, член либеральной партии.

¹⁴ *Гюисманс*, Жорис-Карл (1848—1907) — французский писатель, автор мистического романа «Без дна» (1891, в рус. пер. известен также под названием «Там, внизу»), в котором выведена группа современных ему сатанистов и содержится описание черной мессы.

¹⁵ *Трифан* — гора в Сноудонии (Уэльс) в составе горного массива Глидерай; 15-я по высоте из гор Уэльса (917 м над уровнем моря). *Тулл-Ду* (валлийск. «Чертова Кухня») — ущелье на склоне горы над озером Ллин-Идуаль (см. примеч. &).